

Олег Измайлов

**Донбасс
для
«чайников»**

*Не Украина
и не Русь, боюсь,
Донбасс, тебя,
боюсь!*

Олег Измайлов

**Донбасс для «чайников».
Не Украина и не Русь,
боюсь, Донбасс, тебя, боюсь!**

«Издательские решения»

Измайлов О.

Донбасс для «чайников». Не Украина и не Русь, боюсь, Донбасс, тебя, боюсь! / О. Измайлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850989-6

Перед вами первый в своем роде исторический путеводитель по Донбассу, его основным городам, истории, культуре. Сочетая публицистические методы с художественными приемами, автор дает возможность каждому понять сущность такого несомненно оригинального явления русской жизни, как Донбасс. Все, кто читает по-русски получают с этой книгой, пускай и не полную, не лишенную пристрастности и заблуждений, энциклопедию края, о котором слышали все, но мало кто знает, что он являет собой для России и мира.

ISBN 978-5-44-850989-6

© Измайлов О.
© Издательские решения

Содержание

Ведение в «Донбассознание»	6
Предисловие от автора	7
«Когда б вы знали, из какого сора...»	10
Письма Новороссии: Джеймс Уинтербридж	15
Часть I. Через Донбасс	17
Маршрут: Букино-Святые горы-Славянск	17
Обитель: пятая Лавра	18
Стоит над горою Сергеев...	19
Русский Че Гевара	20
Подход Ивана Кавалеридзе	20
800 тонн бетона над Донцом	21
Маршрут: Славянский тор	23
Донбасс в судьбе: Горький	25
Простая табличка	25
«Мужчина высокого роста»	25
«Милое молодое лицо»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Донбасс для «чайников» Не Украина и не Русь, боюсь, Донбасс, тебя, боюсь!

Олег Измайлов

В этой книге мы соприкасаемся с истинной натурой Донбасса – русской, мужественной, сосредоточенной.

Захар Прилепин

Любовь к родному краю, понимание его духа, мужества и силы людей Донбасса, археологический талант автора, обнаружившего множество малоизвестных и драгоценных исторических реалий – таковы достоинства неординарной книги Олега Измайлова о «Стране огня», «Новой Америке», по версии Александра Блока.

Герман Садулаев

© Олег Измайлов, 2017

ISBN 978-5-4485-0989-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ведение в «Донбассознание»

Происходящее сегодня в Донбассе показывает, как остро не хватает всем нам знаний об этом русском крае, этом советском регионе. Еще вчера, казалось, достаточно было знать о нем, что это кладовая угля и металла, а Донецк – столица шахтерского мира. Советские клише, сколь бы верными они не были в своей исторической нише, в двадцать первом сыграли с русскими злую шутку – общественное сознание не желало воспринимать Донбасс с другой точки зрения.

Между тем, Донбасс породил в свое время немало число людей исключительных способностей не только в труде, но и в культуре, искусстве, спорте. И произошло это именно благодаря сложной, подчас противоречивой, механике смешения народов не только Российской империи, а затем и Советского Союза, но и сопредельных стран, на территории, которую геологи прозвали Донецким каменноугольным бассейном, а историки и географы Донбассом.

Роль Донбасса в жизни России, его значение очевидным образом недооценены. И, что греха таить, даже сейчас, после двух лет страшного пролития русской крови в донецких степях, в России мало знают и еще меньше понимают восставшие республики.

Книга Олега Измайлова претендует на то, чтобы стать первопроходцем в деле всероссийского «донбассопросвещения». Помимо массы интересных фактов, она изобилует оригинальными художественно-публицистическими вставками, помогающими облегчить восприятие предложенного читателю материала.

Стоит предупредить: книга не свободна от субъективности. Автор попытался объединить под одной обложкой и «бедкер» по Донбассу, и эпистолярный роман, и даже биографический словарь. Но, кажется, в данном случае можно считать попытку удавшейся – за легкость слога и ясность изложения, которые будучи помножены на местный патриотизм автора и его твердую уверенность в русском завтра края, дают нам глубокую и ясную картину донбасского быта, который вдруг приблизился, подошел к нам вплотную, став бесконечно родным и благодаря высокому мужеству русского человека уже в постсоветской истории.

В исторической перспективе, соединяя прошлое и настоящее, мы вновь обретаем благодаря Олегу Измайлову, многомерный и необычайно привлекательный образ Донбасса – той самой блоковской «Новой Америке», том загадочном и благодатном пространстве, которое наши деды-прадеды величали не иначе как «сердце России».

Андрей Бабицкий

Предисловие от автора

Не Украина, и не Русь, боюсь, Донбасс, тебя, боюсь...
(*Николай Домовитов*)

Сразу несколько друзей предложили мне написать «книжку о Донбассе». Так как ни у кого у них не было четкого представления о том, как такая книжка могла выглядеть, я задал им вопросы: должен ли такой труд затрагивать историю Донбасса, и если да, то в какой степени, возможен ли перекося в сторону индустриального развития Донбасса, собственно его историю и составляющую практически?

Разумеется, что, не будучи историком, я не мог претендовать на глубокое и профессиональное рассмотрение тех или иных проблем края, схоронившихся в старинных документах. Меня также интересовало мнение моих друзей – каким образом надо показывать процесс сотворения «донбасского народа», его ментальных особенностей, культурного и бытового своеобразия.

Не совсем было понятно и то, как показывать картины Донецкой и Луганской областей Советской Украины, сохранявшихся в течение 23 лет после крушения социалистического государства практически в своем первоначальном территориально-экономическом виде. Во всяком случае – начиная с 1932 года, когда была образована Донецкая область, и 1938, когда из ее состава вывели отдельную Луганскую область. Вообще, вопросы территориального развития донбасских земель очень важны, потому что затрагивают очень много важных вопросов в прошлом, настоящем и будущем – как оно часто и бывает с территориальными проблемами. Для того чтобы понять во что они иногда выливаются, достаточно примера с селом Рубцы, примостившимся на самом крайнем севере Донецкой области. В свое время часть земель тамошнего сельсовета оттяпали в пользу района соседней Харьковской области. Сделано это было с благородным намерением «выровнять» границы между двумя областями УССР по Краснооскольскому водохранилищу на реке Оскол. Оно-то благородно и понятно – река в качестве естественного рубежа вещь замечательная, да только вот рубцовские обыватели никак не могут забыть замечательных заливных лужков на противоположном берегу Оскола («На речке, на речке, на том бережочке, (с) «Не горюй»). Уж больно хороши были лужочки на том бережочке, отцы-деды сказывали. А вернуть-ка наше рубцовское наследие! – требуют вот уже тридцать лет крестьяне. Начали еще в конце советской власти: «чужой земли, гряд, на не трэба, но и своей куска не отдадим». Нынче-то поутихла междоусобица донецко-харьковского разлива, но что будет завтра не возьмется предсказывать никто, ибо нет более глубокого омута, чем душа землевладельца.

Есть еще один существенный момент, который я пытался выставить свои друзьям в качестве возражения против своей работы над книгой о Донбассе. Как известно, оный составляют две бывшие области УССР – Донецкая и Луганская. И если Донецкую, я, в ней родившийся, выросший и всю жизнь в разных ее местах трудившийся, знаю более-менее прилично, то с луганской землицей знакомство у меня не столь плотное.

Признаюсь – луганщину я знаю очень специфически – по станциям железной дороги. Проистекает сия прискорбная, но не критическая для нашей книжки данность оттого, что в молодости мне довелось несколько лет проработать в газете «Железнодорожник Донбасса», изъездить вдоль и поперек обе области, в которых наша знаменитая Донецкая ордена Ленина железная дорога располагается. Так довелось узнать историю и людей почти всех станций – крупных и малых, заезжать в заброшенные районы, куда ведет только, как выражаются склонные к грубоватому юмору железнодорожники, «деревянная дорога», по которой два раза в сутки гремит небольшой дизель-поезд. Понятно, что это качество моего знакомства с тамош-

ними местами мало способствовало проникновению в суть жизни их обитателей, особенностей бытия и местных достопримечательностей. Хотя, конечно, южная, индустриальная, половина Луганской области мало отличается от лежащей западней точно такой же части горно-добывающей цивилизации Донбасса, да и знакома она мне больше.

Сельский же север Луганщины весьма однообразен и настоящий интерес для понимания Донбасса, его истории и характера представляют разве что два исторических города – приютивший в 18 веке юго-словенцев Славяносербск, и Старобельск, известный тем, что послужил Ильфу и Петрову прообразом Старгорода из «12 стульев», изрытый на манер пчелиных сот искателями кладов батки Махно, на исходе своей карьеры, устроившего здесь себе последнюю лёжку для своей волчьей стаи, по пятам которой шла Красная армия. Все это заставляет нас выделять Луганскую часть Донбасса, как и некоторые другие локальные ее «пристройки» вроде Павлограда на западе края и Шахт на востоке в отдельную, вторую часть книги. Здесь, в первой, под Донбассом подразумевается только Донецкая его часть.

Были еще и другие, не самые важные, но достаточно серьезные вопросы, которые надо было решить, прежде чем браться за книгу о Донбассе. Конечно, можно было бы все их перечислить, тем более что все они имеют прямое отношение не только к теме книги, но и жизни нашей донбасской, к тому, чем мы живем и дышим.

Но сейчас хочу сказать, что важность всех вопросов и сомнений была перевешена двумя аргументами.

Первый – несмотря на то, что Донбасс край зажиточный, край талантливый, он за полтора века своей современной, «донбасской» истории не обзавелся ни одной книжкой, которая бы хоть сколько-нибудь внятно растолковала всем русским и нерусским, что такое собственно Донбасс. Ладно бы историю только никто не сложил, но и философски, никто не попытался осмыслить феномен Донбасса. Генезис его несложен, но, как это часто бывает с простыми вещами – не виден за завесой трудового прямотушия, столь свойственного русским крестьянам, составившим костяк будущего здешнего «гегемона» – пролетариата. Большевики, при которых наш край прожил больше половины жизни, считали, что статистики и вульгарно-морализаторского подхода к объяснению истории Донбасса будет достаточно. Но «классовый» подход лопался мыльным пузырем обобщений и натяжек, о чем мы тоже еще скажем. Пока же повторимся – печально, но факт, в донецкой историографии, споткнувшейся на незнании дореволюционного периода, убившей себя в архивах рабочего движения, нет даже классического обобщающего труда по начальному периоду истории региона.

Единственную удачную книжку о Донбассе – «Старую Юзовку» написал в 1937 году Илья Гонимов, чьи труды не превзойдены и по сей день. В 80-х годах была издана полезная и занятая книжица «Открытие страны огня» – по сути дела хрестоматия, набор очерков и рассказов, которыми писатели дореволюционной России пытались раскрыть облик этой по выражению Александра Блока «Новой Америки».

Из первого соображения вытекает второе. Уровень незнания Донбасса русскими людьми зашкаливает! Истории, культуры, экономики Донбасса не знают и не понимают не только москвичи, питерцы, саратовцы и челябинцы, орловцы, и смоляне, но и ближайшие наши соседи – ростовцы, куряне, белгородцы, харьковцы. Более того – в самом Донбассе с каждым годом все больше молодых людей (до сорока, скажем), которые охотно и со знанием дела расскажут вам о Барселоне, Праге или Вене, Москве или Стамбуле, чем о Донецке, Мариуполе, Краматорске, Луганске и Лисичанске. К чему это ведет – нетрудно догадаться – все это является дополнительным барьером на пути к пониманию всем русским людям своих сородичей в Донбассе и окрестностях. Понимание же региональных особенностей – важнейший фактор русского единства.

Эта благая (ох уж этот пафос!) цель толкает автора на некоторое культурологическое преступление – рассказать о Донбассе так, как он сможет – где-то, припоминая виденное,

услышанное, прочитанное, в чем-то опираясь на свои и сторонние субъективные суждения и выводы. В текстах, которые вы прочтете, нет и не может быть абсолютной точности, не обещаю и полностью проверенных фактов. Исторических документов Донбасса осталось после войны крайне мало, доступных – и того меньше. Конечно, многое скрывается еще в библиотеках, архивах и музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Харькова и бог весть еще каких. Скромно умолчим об архивах Южного Уэльса и других британских кладях исторических сведений по ранней истории Донбасса. Но, конечно, все ошибки и неточности надо будет списывать на невозможность в короткий срок дать развернутую мозаику жизни края, при том, что взрывы исторических эпох разбросали разноцветные стеклышки нашей истории по всей бескрайней России и за ее пределами. Добросовестные донецкие и луганские краеведы, в последние десять-пятнадцать лет взявшиеся описывать разные периоды жизни разных городов, преимущественно Донецка, находят греющие их патриотические сердца элементы мозаики где угодно. Автор этих строк сам однажды получил совершенно случайно – через исторический форум выпускников МАРХИ набор уникальных фотографий старой Юзовки (название Донецка до июня 1917 г.) из рук профессора-слависта Варвикского университета в Англии.

Безусловно, если бы в Донбассе существовала государственная программа изучения собственной истории, выделялись бы солидные гранты для работы в архивах Питера и Гламоргана, дело пошло бы веселей. Впрочем, для наших целей, вполне себе просветительских целей, будет достаточно и того, что энтузиасты и фанаты накопили до сей поры.

Добавлю только несколько строк о строении этой книги, потому что оно немного выбивается из обычного. Основных частей три. В первой читателю предлагается проехаться с автором по бывшей Донецкой области УССР с севера на юг, изредка отклоняясь в другие стороны света. Это такой своеобразный географический и историко-культурный, а заодно и экономический ликбез по Донбассу. Во второй части речь идет о ключевых моментах в истории края, но больше всего места отдано истории Донецка, что вполне оправдано, как и в случае с любой другой столицей. Наконец, третья часть рассказывает о культурной и психологической составляющей жизни донбассовцев на протяжении последних ста пятидесяти лет. Во всех трех частях есть этикие «бонусы». Это «Письма Новороссии», часть из которых настоящие (меньшая), часть – придуманные автором, исходя из эвристического принципа. А еще – «Донбасс в судьбе» – заметки о выдающихся людях, так или иначе в своей биографии сталкивавшихся с краем угля и металла.

Вот, собственно, и все необходимые предупреждения. А посему – хватит с вас предисловий, пора в путь – Донбасс ждет вас!

«Когда б вы знали, из какого сора...» (Введение в донбассоманию)

Для современного человека Донбасс – территория двух областей Донецкой и Луганской. Но так было не всегда, а всего лишь с 1938 года, когда эти области обрели современные очертания. За шесть лет до этого была образована большая Донецкая область, которую затем решили разукрупнить, чтобы рулить было способней. А жаль! К донецким раритетам, уникам и ценностям добавились бы луганские паровозы/тепловозы и еще один знаменитый земляк – создатель Толкового словаря живого великорусского словаря Владимир Даль, любивший подписываться «Казак Луганский».

Совершенно логический выбор псевдонима, ведь и местечко Луганский завод, появившейся за пять лет до рождения здесь будущего светила русской лексикографии, и все земли окрест его принадлежали Всевеликому Войску Донскому. Нынешняя Луганская область практически вся из этих земель составлена. А вот с Донецкой пришлось повозиться – Советская власть слепила ее из части Екатеринославской губернии (Екатеринослав – сегодняшний Днепрпетровск), кусков Харьковской (северная часть – Славянск, Красный Лиман) и Войска Донского, граница с которым проходила аккурат по середине нынешнего Донецка, по пересыхавшей в жаркое лето речушке Кальмиус. До сих пор дончане, особенно возрастом постарше, кивая на восточный берег, говорят: «Донская сторона».

Но пора, друзья мои, пора обратиться к термину Донбасс и расшифровать его со всех сторон. Слово **Донбасс** было придумано в 1827 году знаменитым ученым **Евграфом Ковалевским**, одним из отцов русской геологии, да и мировой тоже. Наука эта в те времена была еще в пеленках – всего лишь за 20 лет до изобретения имени Донбасса в Лондоне был основан первый в мире Геологический союз. Впрочем, и слова «геология» тогда еще не употребляли в России, говорили «геогнозия» – наука о земле, а геологи сами себя именовали натурально «геогностами». Ковалевский был одним из первых геогностов, обративших внимание на междуречье Дона и Днепра, на бассейн реки Северский Донец. Так для геологии, для горных людей появился на свет «**Донецкий каменноугольный бассейн**». Или проще – «**Донецкий бассейн**» – **Донбасс**. Наверное, это очень теплое и светлое чувство – придумывание имени целому краю. Так и представляю, фантазер, как Евграф Петрович в окружении своих подчиненных – все в мундирах, при эполетах, а кто-то, возможно, и при сабле – торжественно произносит: «Господа, сей каменноугольный бассейн предлагаю именовать по прославленной русской реке Донцу – Донецким!» И самый молодой из офицерииков-геогностов, покручивая одной рукой ус, а другой циркуль, шурит глаза на карту и с юношеским максимализмом и восторгом восклицает: «А что, господа, ей Богу, это прекрасно – Донецкий бассейн, Донбасс! Евграф Петрович, вы истинный гений, вы светоч геогностической науки, вы прославите имя России и государя нашего, Николая Павловича! Господа, виват государь, виват Россия, виват Евграф Петрович! Ваше превосходительство, позвольте послать сей же час Степана в сербское сельцо за ракией? Тамошний шинкарь Горан такую превосходную из слив сооружает...»

Евграф Ковалевский первым произнес слова «Донецкий бассейн», «Донбасс»

Ковалевский и его коллеги и ученики, офицеры прославленного Корпуса военных топографов тщательно исследовали этот край, нанося на карты выходы на поверхность «горючего камня, сиречь каменного угля, а также антрацитов». Здесь в крае с новообретенным именем возшла и геогностическая звезда горного инженера **Александра Борисовича Иваницкого**. Впоследствии судьба сведет его с **кн. Сергеем Викторовичем Кочубеем**, младшим сыном могущественного канцлера Российской империи. И встреча эта станет судьбоносной в деле окончательного решения «донецкого вопроса».

А пока зреет в недрах этой книжки история об этом обратимся к прошлому, чтобы понять, как и из чего складывалось будущее индустриального левиафана России, ее промышленного колоса, ее сердца.

Земли сегодняшнего Донбасса, в девятнадцатом веке нанесенные на карту преимущественно степные. Север региона – граница лесостепи и степной зоны. Правда еще в начале восемнадцатого столетия берега Донца были вполне облесены, что неудивительно, если вспомнить, что сто лет спустя вся Харьковская губерния стояла в лесных доспехах, которые успешно свели на нет последующие поколения лесоторговцев.

Того, кто интересуется этой темой, отсылаем к классическому трехтомнику отца отечественного лесоводства Арнольда или к лайт-версии – известному роману Леонида Леонова «Русский лес». Нам же достаточно сказать, что классический образ степи – от горизонта до горизонта в Донбассе – появился ближе к периоду новой истории, а в 16 веке, когда русские воеводы передвигали засечные черты да земляные валы с крепостцами подальше на юг, они находили здесь довольно леса и для укрепления, и для острога, ибо и лихими людьми и укреплялась граница русского государства. Да и не только русского, конечно. Знаменательно, однако, что один из городов Донбасса называется Харцызск – от тюркского <x> арцыз – разбойник.

Стремясь обезопасить Русь в наибольшей степени царское правительство медленно, но уверенно двигало засечные черты на юг – к азовским и донским степям. В 1571 году далеко в степи русские пограничники поставили Бахмутскую сторожку. Так появился старейший город Донбасса Бахмут ныне Артёмовск), долгое время бывший региональным центром, уездным городом, в ведение земских властей которого находились и многие земли, на которых раскинулся сегодня Донецкий край.

Пограничная служба от московских полков перешла со временем к донскому казачеству. Конечно, в 17 и 18 веках силенок у него на все не хватало. На то была подмога с Днепра, на порогах которого сидели буйные ватаги запорожцев. Казаки они и есть казаки – нерегулярное войско. Если государство сильное, как Московское, например, то оно, в конце концов, обуздает хищнические повадки вольных воинов. Так и вышло в итоге с донцами, ставшими уникальной частью сложного имперского механизма. Напротив – такое слабое и безнадежное государственное образование, как Речь Посполитая не то что запорожцев, своих сограждан в итоге сбившихся в бандитские стаи по принципу личной верности «кормильцу» – аристо-

крату, не смогла удержать в поле хотя бы относительной законности. Вплоть до укрепления личной власти Петра Великого донцы и запорожцы часто спешили друг другу на помощь. И, честно говоря, нет никакой уверенности в том, что, не будь измены Мазепы, не сложилась из поднепровского казачества столь же оригинальная и верная сила, защищавшая веру, царя и Отечество. Возможно, не было бы в истории государства Российского губерний Киевской, Екатеринославской, Харьковской, Херсонской, а только Область войска Запорожского, чьи земли, и взятые силой в седой древности, и дарованные царями в 17—18 веках, граничили бы с землями Области войска Донского. Но природа не терпит пустоты – взамен запорожцев империя получила кубанцев – слуг правильных и верных, сохранивших свои малороссийские да запорожские обычаи, язык и песни. При этом кубанцы всегда считали себя русскими, что, в общем-то, верно – живут-то они на русских землях, в том числе и тех, что империя отвоевала у горцев Кавказа.

То, что стало в русской публицистике, а после и в обществе называться **Югом России**, образовалось совершенно неожиданно для европейцев, но очень логично для русских людей. Титанические усилия Петра на Юге в отличие от Севера имели спорадический характер и плохо готовились. Все объяснимо – логистика в тех условиях была невозможна, а ресурсы истощены. Прутский поход 1711 года был почти катастрофой и государь Петр Алексеевич более не пытался переломить ситуацию в полуденной стороне в пользу России. У него хватало забот и в Северной войне, и на строительстве Петербурга, в Европе. Но через 12 лет после его смерти фельдмаршал российский Миних в наказание за набеги крымских татар, пришел в Крым, взял его и только эпидемии, вспыхнувшие в войсках, заставили его уйти с полуострова.

С этого момента, со счастливой для России в военном отношении кампании и начали проявляться на карте Европы контуры будущего огромного Новороссийского края. Название очень оптимистическое. И оно себя оправдало – менее, чем за сто лет этот край, усилиями железных, угольных, железнодорожных, портовых и торгово-финансовых королей Империи и Европы стал истинным промышленным сердцем России, тем мотором, который гнал по жилам страны токи жизни и развития.

Новороссия начала строиться, прежде всего, в пределах большей части современного Донбасса, на том фундаменте, который был заложен авангардными сторожками, крепостями, городами. Процесс был начат еще при императрице Елизавете Петровне. Усилиями русской дипломатии из здания соперничающей с Российской Оттоманской империи выбивались кирпичик за кирпичиком. Самым полезным и эффективным станет исход крымских греков в донецкое Приазовье – в год основания Мариуполя, в час рождения мощной греческой диаспоры Донбасса. Но еще при Елизавете с Балкан сюда были завезены сербы, хорваты и молдаване, не желавшие терпеть ярмо иноверцев. Им выделили земли в треугольнике рек Северский Донец, Лугань и Бахмутка. От Попасной до Луганска уютно разместилась на непаханых с начала времен землях **Славяносербия**, ставшая со временем одной из уездов Екатеринославской губернии.

Процесс «новороссийства» пошел быстрее после двух войн, выигранных Екатериной у турецких султанов. К России отошло огромное пространство размером с пол Европы – **от устья Дуная до Дона простиралась Новороссийская губерния**. Центром назначено было быть граду Новороссийску – так целых пять лет именовался основанный блистательным Потёмкиным в среднем течении Днепра город, затем переименованный в Екатеринослав.

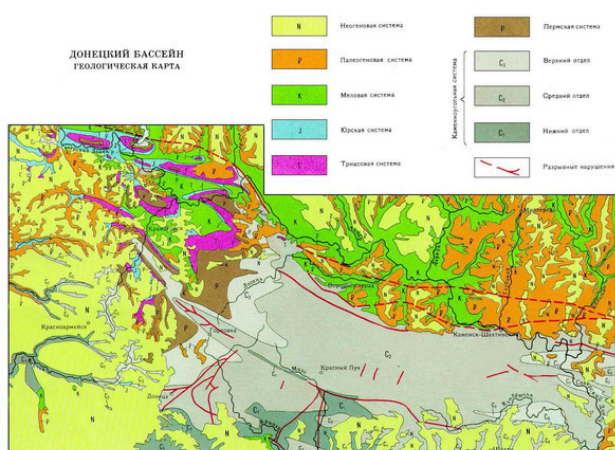
В царствование императора Александра Павловича российской правящей бюрократией был запущен механизм приведения новых земель в административный порядок. Были предприняты попытки оживления экономики. Впрочем, реальные наметки проявились в этом деле уже при следующем императоре, Николае I. Чтобы там про него не говорили, железные дороги в Росси начали строить именно при нем, тогда же ряд ведомств, и в первую голову, горное и военное начали впервые со времен петровых изыскания полезных ископаемых.

Уголь стал катализатором, который покажет всем, как из первичной Новороссии может родиться Донбасс. Для этого дикая донецкая степь, знавшая дотолы только кочевников и редкие поселения русских, должна была найти свой алгоритм развития. Как перспектива он был явлен России при Петре Великом – русские рудознатцы искали и находили уголь ниже Донца в бассейнах Бахмутки и Лугани. Ставшая знаменитой **фраза Петра Алексеевича сегодня известна всей нации: «Сей минерал, если не нам, то нашим потомкам зело полезен будет»**. Император не гадал, он отлично разбирался и в горном деле, и в строительстве машин, и в вооружениях. Понимал он и никуда не годную по тем временам логистику на Юге своей империи. Ему было ясно, что новая отрасль родится не ранее, чем через несколько десятилетий.

Так оно и вышло. К тому времени, когда Евграф Ковалевский и другие геологи пришли описывать угольные поля и залежи руд и других минералов – соли, гипсов, местные крепостные крестьяне всюду эксплуатировали «горючий камень». Попросту топили печи и добывали на продажу. Эра угля стучалась в окно цивилизации, **на Британских островах уже научились делать из угля кокс и плавить на нем чугун**. Российским геогностам было понятно, что большие залежи угля в империи есть. Искали повсюду – на Урале, Северном Кавказе, в Подмосковье, но только в Донбассе искомый минерал был обнаружен мало того, что необходимого качества, так еще и достаточно близко от поверхности.

В сороковых годах девятнадцатого века поиски в России велись совместные – сначала **уральский заводчик Демидов соорудил экспедицию минеролога и социолога Лепле** и русских его коллег, затем российский геогност **Александр Кайзерман сопровождал в изысканиях в имперской глубинке знаменитого Мёрчисона**. Все шло к тому, чтобы промышленно-финансовый интерес вторгся к патриархальную русскую историю, пробудив к жизни капитализм и новые, прогрессивные производительные силы.

В нашем же географическом раскрое истории это приведет к тому, что Донбасс и примыкающие к нему районы выделятся в совершенно самостоятельную, можно даже сказать, независимую область, чтобы не сказать своеобразную страну. Развиваясь, Донбасс к концу позапрошлого столетия станет масштабной во всех смыслах индустриальной зоной от Краматорска до Мариуполя, и от Гришино (Красноармейск, Донецкой области) до Александрово-Грушевского (Шахты в Ростовской области РФ).

Геологическая карта Донецкого каменноугольного бассейна

В сознании людей дореволюционной России Донбасс был неделимым краем, местом, где шахты и заводы идут нескончаемой чередой один за другим. В советское время это впечатление только усилилось, зато были созданы две самостоятельные области, которые,

как мы уже упоминали, скроили из того, что было, подгоняя хозяйственные и политические границы под мерки новой большевистской жизни. Вместе с эти раскроем исчезнут не только старые помочи, на которых держалось присутствие перегретой промышленной цивилизации на Юге России, но и само представление о том, что такое Донбасс. Но к 60-м годам 19 века, когда контуры его были знакомы только ученым, занимавшимся изучением земли и всего того, что сокрыто в ней, даже представить было невозможно, во что выльется появление в донецкой степи компании предприимчивых европейцев и россиян.

Письма Новороссии: Джеймс Уинтербридж

October, 28 1872

Ekaterinoslavl,

Russian Empire

Мой дорогой племянник!

Надеюсь, что со времени моего последнего письма ничего не изменилось в нашем славном Вустершире: ты и твоя семья здоровы, зеленые изгороди у Старого Поместья неизменно сверкают на солнце, погода капризна и непредсказуема, а капеллан Стоунер по-прежнему ревет свои псалмы, покрикивая на наших деревенских лежебок «Пойте же, англичане!» Иногда я просыпаюсь с мыслью, что последние четыре года моей жизни приснились мне, и стоит мне стряхнуть с себя остатки сна, как я снова окажусь в старой доброй Англии. Помнишь ли ты, мой милый Хэмфри тот томик драматической лирики мистера Роберта Браунинга, что я подарил тебе много лет назад? Там есть неплохие строки, на мой взгляд, подходящие к случаю:

*Быть сегодня в Англии —
В этот день апреля!
Хорошо проснуться в Англии
И увидеть, встав с постели,
Влажные ветви на вязах и кленах
В маленьких, клейких листочках зеленых,
Слышать, как зяблик щебечет в саду
В Англии – в этом году!*

Прости мне, мой дорогой, эту невольную слезивость, ведь жизнь на чужбине тяжела для любого англичанина; в диких краях, где мы несем свое бремя цивилизаторов, нам только и остается твердить про себя строки поэта:

*И пусть еще хмурится поле седое, В полдень проснутся от света
и зноя
Люттики – вешнего солнца подарки

Что перед ними юг этот яркий!*

А юг, между тем, в этих краях, которые сами русские, кажется, не знают, зачем отвоевали у родственных им татар, суров и труднодоступен. Я, кажется, рассказывал тебе о том визите, который мне по предложению вице-губернатора довелось нанести в колонию немцев-менонитов. На сотни миль кругом сожженная дочерна степь. Жизнь прекращена и невозможна. Надо отдать должное немецким колонистам, сумевшим выжить в этом аде; выжить и совершить чудо, на которое способен только европеец – вырастить оазис посреди пустыни – спасительный и плодородный.

Но место, в которое привез нас мистер Юз, кажется мне и вовсе безнадежным. Здесь нет ни немцев, ни плодородной земли, только две пересыхающие летом речки – Kalmijus и Vakhmutka дают какое-то прибежище для ведения хозяйства. Здешние лэндлорды и джентльмены рангом пониже, пожалованные землями за службу царю, сумели завезти сюда крестьян,

коими он владели еще недавно, словно рабами – можешь ли ты это вообразить, любезный племянник? А когда Император Александр ликвидировал этот поистине дьявольский институт, бросили их на произвол судьбы.

Что делает здешний фермер? – О, он сполна пользуется обретенной свободой! Правда, он ничего не смыслит в агрономической науке и поступает так. Арендует клочок каменистой земли, рассыпает по участку зерно, просит у общины стало овец и прогоняет их по участку, дабы зерно оказалось вдавленным в почву, о которую можно сломать плуг даже из стали мистера Витворта (я писал тебе о сем джентльмене, с которым мне довелось учиться в институте гражданских инженеров). И что ты думаешь – собирает осенью скромный урожай. Дикость, конечно, азиатчина, но все же можно говорить о ростках предприимчивости.

Зато, поднимай скорее изумленно брови, мой Хэмфри, – я здесь увидел настоящего масона! Это было третьего дня на приеме у мистера Юза, куда пожаловал один из его компаньонов, князь Сергей Кочубей. Он приехал со старшим братом Майклом, который, как мне рассказали, носит высокое придворное звание. На мизинце его правой руке явственно блестело кольцо. Я узнал его – стальной обод снаружи, золото внутри. Приличия не позволяли мне проявлять интерес к кольцу, но я все же осторожно поделился своим наблюдением с преподобным Ричардсом, который является одним из наших англиканских капелланов. Он живо возразил мне, что это не так, а кольца такие носят в России все выпускники Пажеского Его императорского Величества корпуса. Все же я позволил себе остаться при своем мнении. Разве я не видел у князя Майкла в петлице еще и Мальтийского ордена?

Мой друг, явление масона в этом захолустье – особый знак. Думаю, что мы еще увидим и услышим тому подтверждение. Кроме того, сам мистер Юз оказывал старшему из князей явно повышенные знаки внимания. Он, по всеобщему мнению британской колонии, немного романтик, как и многие валлийцы, но себе на уме и не стал бы именно так вести себя с первым попавшимся русским аристократом. Мое мнение подкреплено и рассказом преподобного Ричардса о том, что титул князя первым в роду Кочубеев носил всего лишь отец Сергея и Михаила. А это значит, что их княжеское достоинство немногим значительнее нашего баронета.

Хэмфри, прошу тебя, не забывай меня своим вниманием и письмами. Передавай мое почтение моей сестре, твоей матери Агате, судье Доджсону и леди Кларик.

*Твой любящий дядюшка,
Джеймс Уинтербридж, гражданский инженер*

Часть I. Через Донбасс

Маршрут: Букино-Святые горы-Славянск

Подавляющее большинство туристов, гостей и командировочных въезжает в Донбасс с севера. Наверное, потому что мощный поток грузов и пассажиров всегда шел именно со стороны Москвы и Харькова: это главное, осевое направление движения у железнодорожников в былые времена принято было называть «Главным кавказским ходом».

Поезд покидает харьковщину, а заодно и Южную железную дорогу, в районе села **Букино** с одноименной крохотной станцией. Там живет всего несколько семей, обслуживающих дорожное хозяйство. Слева по ходу поезда останется река Оскол, неподалеку отсюда впадающая в Северский Донец, а впереди мелькнет огромный щит с надписью «Добро пожаловать в Донбасс».

Скоро встреча со **Святыми горами** – местом уникальным во многих смыслах. Но за двадцать километров, отделяющих мост через Оскол от станции Святогорск, мы успеем рассказать вам о том, что село Букино славно не тем, что здесь находится так называемая стыковая станция двух дорог, и не только тем, что в округе на пятьдесят километров находятся наизнаменнейшие грибные леса, богатство которых Донбасс вот уж лет тридцать-тридцать пять пытается выбрать своими корзинками, сумками да рюкзаками, да никак не управится.

Историки утверждают, попробуем им поверить этот раз, что именно здесь, в месте, где сливаются Оскол и Донец, встретились в мае 1185 года персонажи известные нам со школьных времен по «Слову». Помните?

Игорь ждет мила брата Всеволода. И рече ему буй-тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый ты, Игорю! Оба есве Святославичя. Седлай, брате, свои борзый комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска напереди. А мои ти куряни – сведоми кмети: под трубами повити, под шеломи възлелеяны, конець копия възскормлени; пути имь ведоми, яругы имь знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изострени; сами скачють, акы серыи волци в поле, ищучи себе чти, а князю славе».

Нам неизвестно точно, как шел к месту соединения с войском брата Игоря князь курский и рьльский Всеволод Святославич. Может, и вдоль Оскола – ему из Курска до верховий недалеко. Но все-таки верней предположить, что его «куряне, с конца копия вскормленные», поскольку «пути и яруги» им были ведомы, шли вдоль более облесенного, полноводного и популярного Донца – аккурат на Изюм, где уже со времен Владимира Мономаха русские ставили пограничные сторожки на господствующей высоте – горе Кременец – 160 метров над Донцом.

«Слово о полку Игореве», иллюстрация В. Фаворского

Встретившись «на слиянии», как говорят местные жители, князья начали углубляться в степь, в сторону Дона. Пошли на юг, переходя от одной излучины Донца к другой. Русло реки, правда, в те времена имело несколько иной от привычного нам сегодня рисунок. Но пойдём, вслед за игоревой дружиной и мы.

На входе в Донбасс нас встречает **Святогорье**. Именно так обобщенно именуется и местность в виде высоких меловых гор, и окрестные леса и озера, и **одна из пяти русских лавр – Святогорская**.

В советские времена здесь из окрестных сел и поселка возле железнодорожной станции, из многочисленных пионерлагерей и турбаз с санаториями сложился довольно большой курортно-жилой комплекс, который, соединив с самым большим здешним селом – Банным (так оно называется, потому что издавна служило монахам для санитарно-гигиенических усад), соорудили **город Славяногорск**. Монастырь в те времена служил музеем, святость была в некотором загоне, поэтому только с уходом коммунистов из власти, город переименовали по основной «специальности» – **«Святогорск»**.

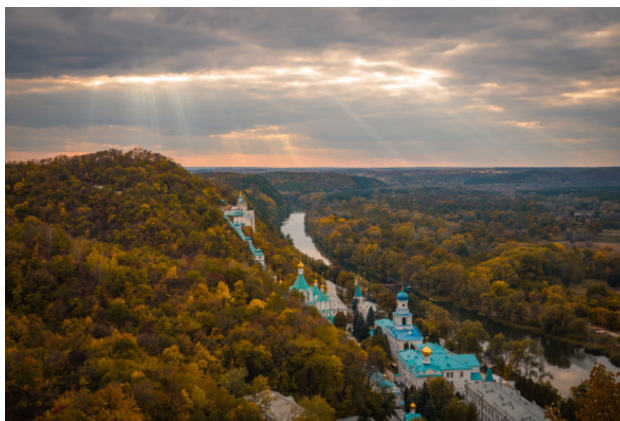
Обитель: пятая Лавра

Святые горы, Святогорье, были местом известным в дореволюционной России. **Свято-Успенский монастырь**, которые в меловых пещерах на высоком левом берегу Донца устроили по преданию монахи Киево-Печерского монастыря в седой древности, основной поток паломников и славы принял в 19 веке. Среди монашеской братии слыл он местом суровых порядков и непреклонного начальства, сюда часто присылали на «перековку» или на покаяние провинившихся в своей нелегкой работе священников и монахов со всей России.

Если будет интересно – почитайте на досуге великолепную книжку русского писателя и путешественника **Василия Немировича-Данченко** «Святые горы». Этот **брат** прославленного основателя МХАТа был безукоризненно честным человеком, одной из характерных, резких, и видимо, неприятных для окружающих черт его личности, было – обличение пороков и в особенности насилия. В книге о Святогорском монастыре это очень выпукло проступает. При этом вряд ли вы найдете другой источник по истории монастыря, который был, дал практически объемную картину не только монашеской жизни, но и крестьянства вокруг него в этой местности. Лучше всего эту книгу читать в Святогорске. Приезжайте на одноименную

станцию, подождите автобуса, который отвезет вас к лавре, или пройдитесь пешком несколько километров по чудесному сосновому лесу. Один раз оно того стоит.

Вообще – Святогорск/Славяногорск – город контрастов, начиная, как вы уже поняли, с названия. После Октябрьской революции 1917 года монастырь был закрыт. В его корпусах, пристроив со временем несколько построек, сварганили санаторий для шахтеров. Название ему дали соответствующее – «**Горняк**». Очень хорошее и уместное слово в романтической и безумно прекрасной местности, где меловые скалы нависают над несколько замедляющим здесь свой бег Донцом. Если попадете сюда в сезон – возьмите лодку и пройдите на веслах под скалами монастыря. Сделайте селфи – это будут незабываемые карточки. В этом месте у меня возник очень современный вопрос – интересно – а вай-фай в Лавре уже есть? Интернет-то наверняка.

Святогорская лавра, фото К. Брижниченко

Ну, так вот – после падения соввласти процесс пошел обратный, с той же страстью нашего человека к крайностям. Санаторий быстренько закрыли, земли и строения передали возродившемуся чудесным образом монастырю. И вскоре от медицинского учреждения, где сердечники лечились природой и коньяком, остались только мощные бетонные тропы терренкура. Ну, что – лечить таким методом сердечко можно и самостоятельно, но в основном приезжий люд использует «дороги жизни» для того, чтобы подняться на самый верх меловых гор – к монументу Артему и деревянному монашескому скиту. Скит поставили в новейшее время, словно знали церковные иерархи, что в **2004 году обитель получит статус Лавры** (пятой по счету русской Лаврой), который монастырям дается за особые чудеса явленные православному миру. Злые языки в тот год говорили, что интересы Святогорского монастыря лоббировал еще будучи премьер-министром Украины Виктор Янукович. Едва ли это верно, но заметим, что если бы вдруг оказалось правдой, то как это по-донецки!

Стоит над горою Сергеев...

Вторая достопримечательность, без которой вот уже почти 90 лет невозможно представить Святые горы – **монумент товарищу Артему**. Не будет слишком уж большим преувеличением сказать, что уж кого-кого, а его знает в Донбассе со школы каждый житель нашего непростого края. И хотя пламенные революционеры ленинского призыва у нас давно не в чести, именно этот уроженец Екатеринославской губернии (настоящее имя его было – Федор Сергеев) удостоился самой что ни на есть настоящей, беспримесной любви народной. Конечно, во многом он обязан этим скульпторам. И первым в этом ряду стоит знаменитейший некогда **Иван Кавалеридзе**.

Во второй половине 20-х годов прошлого века русские архитекторы увлекались поиском чистых геометрических форм и линий, повально проходя через стиль конструктивизм. Домов в этом стиле достаточно по всей стране, но более всего в Харькове, где них была условная штаб-квартира. Тот, кто бывал в этом городе, помнит гигантский комплекс зданий Госпрома в центре, для которого, чтобы уравновесить его разбили не менее гигантскую площадь Свободы. Кажется одну из самых больших в Европе.

Так вот, архитекторы ударились в конструктивизм, а скульпторы – в кубизм. **Иван Петрович Кавалеридзе** (сын малороссийской селянки и грузинского крестьянина) к тому времени уже был вполне маститым скульптором. На его счету были такие известные памятники как, например, княгине Ольге – тот самый, который потом снесут, а наше время воссоздадут по фотографиям.

Русский Че Гевара

И вот представьте, какой мезальянс в карьере художника – княгиня Ольга и большевик. Святая и «революционер» – что может быть более несхожего с официальной церковной точки зрения. Но с другой стороны – не зря же в Святогорске есть точка подле статуи Богородицы, с которой авангардный облик Артема смотрится так, будто он здесь совсем по праву соседствует с мистическим. Причем, деятельный, непримиримый, Артем был мужик резкий и крутой, справедливый и с замечательным чувством народного юмора. Солдаты и рабочие в Донбассе в 1918 году его боготворили. **Это был своего рода Че Гевара русских равнин**, только Че далеко до главы Донецко-Криворожской республики. Хотя бы потому что все эти его походы по джунглям Кубы и Боливии – милые шалости по сравнению с побегом Артема с каторги, многотысячный переход по тайге, переезд незамеченным полицией в Шанхай, а затем и вовсе – на край света в Австралию. Там он последовательно: основал первую на «Зеленом континенте» социал-демократическую партию, профсоюз горнорабочих, открыл в городке Брисбен социалистическую газету «Эхо Австралии», выходящую, кстати, по сей день. Паренек с рабочей окраины, конечно, был не прост и явно обладал тем, что позже, при его внуках, назовут харизмой. А проще говоря – железной волей, саморганизованностью и личным обаянием. Ну, и не стоит забывать, что сей выходец из крестьянской семьи сумел же как-то поступить в МВТУ и проучиться там пару курсов...

Эти качества и знание оргработы привели его в начале восемнадцатого года на пост руководителя Донецко-Криворожской республики – лимитрофного советского образования, созданного на руинах индустриальных синдикатов канувшей в лето Российской империи, мечтаний Съезда горнопромышленников и нескольких бывших губерний. С идеологической точки зрения это был выверенный, но дерзкий проект по выводу промышленного региона из зоны влияния националистической Украинской народной республики и ее хозяев из Германии, вознамерившихся заглотив русскую территорию чуть ли не до Урала. Позже, когда германский штык заблестит на Дону и в портах Северного Кавказа, у советского правительства будет повод не соглашаться с полной оккупацией ДКР. Артем пройдет скорбный путь наступления от Донбасса до Царицына, потом вернется, но уже ненадолго. В расцвете сил и молодых лет (38 лет) погибнет в дикой катастрофе – при испытании аэровагона вместе с профсоюзными деятелями из Европы.

Подход Ивана Кавалеридзе

Мог ли харизматик и творец Кавалеридзе не влюбиться в образ харизматика и творца Артема? Этот тип людей был ему близок. И он приступил к делу. Для начала, по свежим следам, сразу после гибели Артема Кавалеридзе взялся делать гигантский памятник ему

в Бахмуте, переименованном в Артемовск. Монументище вышел преогромный – 30 метров угловатого, практически треугольного Артема плюс почти 20 метров постамента – он поражал воображение и, скорее всего, вылезал, нет – выпирал! – из размеров скромного купеческого уездного города, каковым был в то время, да и остался во многом в наше, Бахмут/Артемовск. Увы, оценить его, убедиться в справедливости этих слов или опровергнуть их мы не можем – фашисты взорвали памятник во время оккупации города. Кавалеридзе мечтал воссоздать свое творение, но власти Сталинской (так тогда называлась Донецкая) области решили, что будет с него, а Артемовску хватит стандартного памятника, который и возвели по быстренькому в конце пятидесятых. Никому в голову не могло тогда прийти, что полвека спустя в город придут украинские националисты и снесут и этот памятник Артему.

800 тонн бетона над Донцом

Но, конечно, куда более известен другой Артем Ивана Кавалеридзе – на Святых горах. Место выбрал сам скульптор, отказавшись ставить монумент внизу возле корпусов монастырской киноии. Все верно – с высоты меловых круч 28-метровый Артем виден очень далеко – за много километров до Святогорска. Говорят, что всего за четыре дня плотники сделали лекала для секций памятника, их везли на подводе наверх, где постоянные партнеры Кавалеридзе, семья Орленко, делала отливку, потом при помощи примитивного крана секцию ставили на место. Так все 800 (!) тонн и поставили. Кстати сказать, у семьи Орленко были свои фирменные рецепты изготовления бетона, которые они никому не передавали. Краеведы Святогорска утверждают, что из-за этого приходится туго сегодняшним реставраторам – современный бетон не желает «приживаться» к бетону Орленок, и через время отпадает, внося отчаяние и хаос в души местных музейных работников.

Артем, монумент работы Ивана Кавалеридзе, 1928 г.

Сказать, что у Ивана Петровича вышел шедевр – ничего не сказать. Кроме того, что сам по себе это, наверное, самый большой кубистический монумент, памятник Артему – единственный в мире революционный памятник, стоящий над монастырем, да не просто монасты-

рем, а Лаврой! На цоколе постамента высечена фраза товарища Артема: «Зрилище неорганизованных масс для меня невыносимо!» и подпись – «А».

Старая, еще послевоенных времен легенда гласит, что с ладони Артема косил из пулемета гитлеровцев неизвестный красноармеец, а когда Красная Армия, гнала их из Сталинграда, там же сидел немецкий корректировщик огня. Или наоборот? – Кто ж теперь скажет? На то она и легенда, чтобы разночтения позволять.

На самом деле, в этом районе наши войска под огнем немцев переправлялись на левый берег Донца. **По некоторым данным за три дня в августе 1943 года здесь полегла дивизия. Практически вся – 11.000 человек.** Артему, ясно тоже досталось, второй раз уже за войну. Но, ничего уцелел. В августе 2015 года украинские националисты присматривались к гиганту – как бы его свалить? Небольшие памятники Артему – в Харькове, Артемовске, Кривом Роге они уже уничтожили. А вот, что делать со святогорской машиной придумать не смогли. 800 тонн – это не шутка! Ох и прозорлив же был Иван Петрович, возводя столь масштабное сооружение (кстати, денег, отпущенных на него, не хватило и **Кавалеридзе доплатил 5000 рублей из своего кармана**).

Несть пророка в Отечестве своем. В хрущевскую «оттепель» на уникальный памятник, подобный которому трудно сыскать, не только в Европе, но и целом мире, обрушились с критикой за «авангардизм». Это, кстати, одна из причин, по которой Кавалеридзе не смог пробить восстановление «первого» Артема в Артемовске.

Памятник, безусловно, давно стал одной из визитных карточек Донбасса. Его необходимо изучать, писать о нем монографии, повести, рассказы и стихи, возить специальные экскурсии «на Артема» по 17, скажем, евро с человека, одним словом пиарить его, гордиться им, беречь его, как творение титана духа в честь титана дела. Что и будет сделано, уверен, со временем, когда дикари уйдут в прошлое, как жуткий сон от несварения желудка в обществе.

Маршрут: Славянский тор

С Харьковщины в Донбасс ведет одна большая автомобильная дорога – «Москва-Харьков-Ростов» – и две железнодорожные линии. Одна из них, покинув Святогорск, идет к крупнейшей в Донбассе сортировочной станции Красный Лиман, вторая входит в Донбасс со стороны Лозовой и привозит нас в **Славянск**. Этот сравнительно небольшой городок (около ста тысяч жителей) стал известен всему миру в 2014 году: именно здесь поднялось знамя русского сопротивления украинскому нацизму. Что интересно – И Славянск, и отстоящий от него всего навсего на 28 километров Красный Лиман, это города с преобладающим малороссийским населением, однако же, именно здесь народ Донбасса впервые показал, что для него понятие «русский» не сводится к узко-этническому термину.

Впрочем, давайте рассмотрим Славянск подробнее, а после посетим **Красный Лиман**, к которому автор этой книжки питает нежную привязанность по причинам, о которых будет сказано ниже.

Итак, Славянск. Слобода Тор. Годом основания считается 1645-й. Долгое время ценность его виделась русским людям исключительно в наличии соляных озер, дававших неплохой приварок казакам разных видов.

Помните, как разницу между казаками разъяснял аверченковский «Сатирикон»: «Казаки были также разные. Одни жили на берегах Днепра, воевали с татарами и с проезжими на большой дороге, били всякого, кто подвернулся под руки, и водку называли „горилкой“. Сами же назывались запорожцами. Другие казаки жили на берегах Дона, воевали с татарами, били, кого Бог послал, и водку называли „горелкой“. Назывались они донцами. Третьи жили на Урале, воевали с татарами и с обозами купцов, били, кого могли одолеть, и водку называли „вином“. Эти назывались уральскими казаками. Несмотря на столь выпуклые противоречия в программах казачества запорожского, донского и уральского, все они сходились в одном и главном пункте – в горячей любви к тому, что запорожцы называли „горилкой“, донцы – „горелкой“, а уральцы – „вином“».

На соляных озерах Тора/Славянска сходились шкурные интересы любителей «горилки» и «горелки». Впрочем, здесь они еще как-то мирились, а вот в Бахмуте за тамошние соляные копи бились насмерть. И одна из таких драк привела даже к знаменитому восстанию Кондратия Булавина, увековеченного советской пропагандой в камне и названиях улиц и населенных пунктов и шахт.

Отдал дань уникам Славянска и младший сын знаменитого канцлера Российской империи при Александре I графа Виктора Кочубея – **князь Сергей Кочубей**. Этот тот самый «аристократ хохлацких кровей», о котором мы еще подробно расскажем, рассматривая историю возникновения Донецка. А пока только скажем, что идея использовать грязи соленых озер Славянска в лечебных целях (крестьяне всей округи давно заметили, что грязца сия зело хороша при болях в ногах и «попереке» – сиречь пояснице) принадлежит именно ему. Со второй половины 19 века пошла гулять по Руси великой слава славянского курорта, окончательно утвердившаяся уже в советские времена. Нынче здесь даже одна из станций называется «**Славянский курорт**» и на ней делали, пока ходили, остановку даже скорые поезда.

В части культурной славы Славянск может отчитаться в том, что в городе родился известный русский художник **Петр Кончаловский**, чьи потомки теперь снимают кинематографические блокбастеры под фамилией Михалков и Михалков-Кончаловский. То есть, дочь Кончаловского в свое время вышла замуж за автора многочисленных басен и гимна советского союза, детского поэта Сергея Михалкова и родила ему сыновей – Андрея и Никиту Михалковых. «Подстриженный газон», как говорят склонные к сдержанным иносказаниям англичане.

Славянский курорт посещали многие более или менее известные лица. Но все ж таки не Баден-Баден, поэтому вспомним только о заезжавших, и подолгу гостивших каждый в свое время **композиторе Дмитрие Шостаковиче и виолончелисте Мстиславе Ростроповиче**. Оба оставили здесь чарующие звуки музыки, но никак не свои личные впечатления. Чего не скажешь об ироничной музе Антона Чехова.

Антон Павлович Чехов проездом из Святых гор обозначил Славянск для вечности: «Город – нечто вроде гоголевского Миргорода; есть парикмахерская и часовой мастер, стало быть, можно рассчитывать, что лет через 1000 в Славянске будет и телефон. На стенах и заборах развешены афиши зверинца, под заборами экскременты и репейник, на пыльных и зеленых улицах гуляют свинки, коровки и прочая домашняя тварь. Дома выглядят приветливо и ласково, на манер благодушных бабушек; мостовые мягки, улицы широки, в воздухе пахнет сиренью и акацией; издали доносится пение соловья, кваканье лягушек, лай, гармоника, визг какой-то бабы...»

Справедливости ради стоит вспомнить еще и автора известной малороссийской песни, которую, чего там, любят иной раз спеть и на российских пирушках, – «**Дывлюсь я на нэбо**». Ну! – Припоминайте! – там еще автор пеняет создателю за то, что он не сокол, и не может летать... Звали его **Михаил Петренко**, возможно он родился в Славянске, возможно здесь жил. Украинские литературоведы пока не решили окончательно. Это все, что мы считаем необходимым сообщить вам о сем сочинителе. Песня хорошая, очень малороссийская, очень. Кстати, один мой приятель как-то спросил меня: «ты заметил, что все украинские песни начинаются со слова «ой»? – «Ой, попид горойю козаки йдуть» etc. Возможно, из-за традиционной жалобности малорусских песен и песня Петренко является образцом того, как надо подавать петицию Господу Богу.

Но в советское время истинным «селебрити» славянской старины считали «великого пролетарского писателя» **Максима Горького**. Как по мне, господа-товарищи соцреалисты оказали Алексею Максимовичу медвежью услугу, прилепив к его имени вышеозначенную табличку «пролетарский». Из-за этого у народа сложилось определенная опаска – а ну, как он начнет щас про станки и слесарей повести в нас вкладывать! На самом же деле Горький – прекрасный писатель, о чем свидетельствуют в первую голову, тиражи его книг, сравниться с которыми в свое время мало кто мог. Ведь Джоан Роулинг еще не написала свою историю про Гарри Потера...

История же взаимоотношений Горького и Славянска, хотя и не очень занимательна, но поучительна в том смысле, что не спешите отрицать в пролетарском писателе «пролетарскости». Вот эта история полностью.

Донбасс в судьбе: Горький

Она началась в 1988 году, когда автору этих строк пришлось проехать по работе в Славянск.

Простая табличка

На стенке железнодорожного вокзала которой была обнаружена табличка, гласящая: «Здесь, на станции Славянск, в 1891 году работал монтером по ремонту пути великий пролетарский писатель **Максим Горький**».

Время было ровно столько, чтобы добраться до городского краеведческого музея и задать его сотрудникам вопрос, нет ли какой конкретики по пребыванию великого писателя в Славянске, услышать ответ «немного, но есть». Пожелтевшие газетные вырезки, несколько страничек рукописного текста – вот и весь набор источников, поведавших скромную повесть пребывания великого русского писателя на донецкой земле.

«Мужчина высокого роста»

Алексей Пешков, некоторое время спустя ставший Горьким, пришел в Славянск в 1891 году, во время своих «хождений по Руси». Можно предположить, что Алексею Максимовичу банально надо было заработать на жизнь.

Увидел на станции сторожа, Сергея Кудиенко, разговорился. А располагать к себе людей он, великий знаток человеческих сердец, умел всегда. Полвека спустя сестра Кудиенко, Марфа, рассказала городской газете «Большевик» о том, что было дальше:

«В 1891 году мой брат Сергей Кудиенко сторожевал на станции. Жили мы в Былбасовке (поселок возле Славянска), в полуподвале. Как-то утром Сережа пришел домой не один, а с мужчиной высокого роста. У незнакомца были длинные волосы. Это и был Алексей Пешков.

– Дай-ка, мать, что-нибудь перекусить, – обратился Сережа к жене.

Я тогда у брата за няню была – присматривала его детей. Помню, заплакала девочка, невестка косо посмотрела на меня – успокой, мол. Часа через три проснулись и брат, и Пешков. Легко перекусили, быстро собрались и направились к артельному старосте. Вернулись, когда Луна взошла над Карачуном. Грязные и утомленные».

«Милое молодое лицо»

Сам Кудиенко откликнулся в том же 1936 году на смерть знаменитого писателя, с которым он в далекой молодости таскал шпалы и чугунные накладки да забивал кувалдой костыли.

«Услышав о смерти Алексея Максимовича, сердце мое так заболело, что и высказаться не могу. Много прошло времени, когда мы с Алексеем Максимовичем работали на станции Славянск, однако все помню, точно это было вчера. Припоминаю его милое молодое лицо, его синюю рубаху и серые

брючонки, в которых он пришел к артельному старосте. Работали мы вместе ремонтными рабочими на железной дороге, подбивали и заменяли шпалы, сменяли переводные бруски, выполняли прочие черные работы. Работа была адская, очень тяжелая, тянулась с утра до вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.